

- Моэм С. Земля обетованная. Пьеса в четырех действиях. – М., 1958.
Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. – Волгоград, 1999.
Платон. Государство. – СПб., 2005.
Пристли Дж. Б. Избранное. В 2-х т. – М., 1987. – Т. 1.
Скороденко В. Притчи Уильяма Голдинга // Голдинг У. Шпиль и другие повести. – М., 1981.
Харвуд Р. Костюмер и другие. – М., 2002.
Шекспир В. Собрание избранных произведений. – СПб., 1993. – Т. 7.

КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ: ШАХМАТЫ В СССР

А.И. Куляпин

«Что есть в мире, кроме шахмат»
(В. Набоков)

Серебряный век, с его повышенным интересом к феномену игры, конечно, не мог не обратить особого внимания на хитроумнейшую и причудливейшую из интеллектуальных забав, придуманных человеком, – шахматы. Названия двух русских фильмов, появившихся в 1916 году, «Шахматы любви» А. Лемберга и «Шахматы жизни» А. Уральского, зафиксировали тот спектр символических значений игры, который был востребован культурой предреволюционной эпохи.

Сила культурной инерции существенно повлияла на решение темы шахмат в литературе первых послеоктябрьских лет. Рассказ Л. Леонова «Деревянная королева» (1922) варьирует классический сюжет о «шахматах любви». Леоновские герои – Борис Викторович Коломницкий и Владимир Николаевич Извеков – придерживаются противоположных точек зрения на шахматы. Для Коломницкого ситуация на доске – подражание реальности. *«Я четыре месяца добивался вот этой самой раскладки фигур. Мне давно уже казалось, что должно и в шахматах быть такое положение, когда женщина изменяет только ради самой измены, в которой тайна и разная там магия»*, – признается он сопернику [Леонов 1969, с. 108]. Извекову мнится иное: жизнь – это всего лишь отражение игры. *«Противник отступал, метался, и – странное ощущение – с каждой мельчайшей передвижкой на доске менялись сочетанья каких-то более значительных узлов, перемещались где-то вдалеке глыбы времени и враждебных воль, и вот уже судьбой становилась пустышная, казалось бы, игра»* [Леонов 1969, с. 113].

По мере развития сюжета рассказа герой все глубже погружается *«в разрешение какой-то задачи – шахматной, конечно, – смысл которой представлялся ему теперь смыслом всего его пребывания на земле»* [Леонов 1969, с. 111]. Извеков, приобретая все качества маньяка, почти безвозвратно теряется в дебрях шахматных комбинаций и вариантов.

О многом говорит тот факт, что фраза *«Так потихоньку Владимир Николаевич сходил с ума»* и выражение *«признак свершившегося безумия»* [Леонов 1969, с. 112, 105] относятся к пребыванию героя в мире реальности. А ведь гораздо адекватнее этими формулами описывается регулярно переживаемая персонажем странная метаморфоза: *«Да, – он сам теперь, Владимир Николаевич Извеков, стоял на шахматном поле, на ход коня от королевы <...> он стал черным левосторонним офицером деревянного короля»* [Леонов 1969, с. 104–105].

В новелле «Гуаякиль» Х.Л. Борхес пересказывает предпостмодернистский по духу сюжет из «Сновидения Ронабуи»: *«два короля играли в шахматы на вершине холма, а внизу сражались их воины. Один из королей выиграл партию, и тут же прискакал всадник с известием, что войско второго разбито. Битва людей была отражением битвы на шахматном поле»* [Борхес 1994, с. 243].

Концепция советского писателя аналогична: победив на шахматной доске, Извеков тут же побеждает в любовном соперничестве. Превосходство шахмат над действительностью для автора и героя очевидно. Ведь действительность абсурдна: *«Мучила навязчивая мысль, почему каким-то пятидесяти разнокалиберным людям потребовалось именно в этом трамвае именно в этот час ехать в одну и ту же сторону... Тогда зажигались на большой улице среди клубящихся метельных валов – дуговых фонарей молочные шары. И непонятно было, где была записана их идея до того, как они повисли в этой снежной высоте»* [Леонов 1969, с. 112]. Шахматы в рассказе «Деревянная королева» наделены примерно теми же функциями, которыми Платон наделил мир первообразов по отношению к реальному миру. На 64 клетках царит разум, здесь все «размеренно», «строгое», «изящно» [Леонов 1969, с. 102]. И поэтому герою для достижения *«полного блаженства нужно было <...> только остаться навсегда <...> в кругу»* деревянных фигур [Леонов 1969, с. 114].

В атмосфере прагматичного, далекого от романтики НЭПа подобное бегство от действительности диагностируется как болезнь. «Шахматная малярия» (1925) В. Катаева и «Шахматная горячка» (1925) В. Пудовкина акцентируют метафору заболевания уже самими названиями. У Пудовкина шахматы символически уравниваются еще и с отравой.

В одной из заключительных сцен его фильма герой-аптекарь настолько захвачен игрой, что вместо флакончика с ядом вручает покупательнице упакованную в бумагу шахматную фигуру.

Фельетон Катаева, как и картина Пудовкина, относится к числу произведений, созданных по горячим следам Московского международного турнира 1925 года. Организаторы этого соревнования, безусловно, преследовали не столько спортивные, сколько политические цели. Расчет неожиданно отчасти оправдался. Самой громкой сенсацией турнира стала победа А. Ильина-Женевского над Х.-Р. Капабланкой. Советский мастер никогда прежде не добивался сколько-нибудь существенных успехов, но партию с чемпионом мира провел очень сильно, и даже эффектно пожертвовал кубинцу ферзя. Пикантность ситуации придает то обстоятельство, что Ильин-Женевский был видным большевистским деятелем: членом партии с 1912 года, участником Октябрьской революции, комиссаром Петроградского ВРК. Невозможность объяснить поражение Капабланки спортивными причинами подталкивала к поиску околоспортивных. В «Шахматной малярии» Катаева собраны некоторые обывательские слухи и сплетни.

«– Как нравится, я спрашиваю, Ильин-Женевский, который разбил Капабланку?»

– Лавочка.

– Позвольте... Но ведь я же сам... Газеты... И вообще...

– Я вам говорю, лавочка. Вы понимаете, и тут замешано...

– Ну?

Шепотом:

– По-лит-бю-ро.

– Ой!

– Вот вам и “ой”. Только между нами, конечно. Женевскому предписали в порядке партийной дисциплины. Вы же понимаете, что бедняге ничего не оставалось делать.

– Да что вы говорите?

– Сам читал путевку, полученную Женевским из МК. Черным по белому: “Тов. Женевский настоящим командирован на международный шахматный турнир. В ударном порядке тов. Женевскому предписывается в порядке партийной дисциплины обыграть империалистического чемпиона мира, кубинского белогвардейца гр. Капабланку. Об исполнении сообщить”» [Катаев 1983–1986, т. 10, с. 102].

Приезд в Москву известнейших гроссмейстеров, включая чемпиона мира, должен был продемонстрировать прорыв международной блокады СССР. Не могла не возникнуть параллель между Петербург-

ским турниром 1914 г. и Московским турниром 1925 г. Стремясь пре-
взойти по размаху крупнейшее событие дореволюционной шахматной
жизни России, советская власть наглядно доказывала превосходство
нового строя. Шахматы, как никакой другой вид спорта, – индикатор
респектабельности, атрибут жизни стабильной и обеспеченной. Нако-
нец, возможно, решающим аргументом в пользу выбора шахмат была
органичность их вхождения в утопический дискурс. Характеризуя нра-
вы обитателей Утопии, Рафаил Гитлодей замечает: *«Кости или друго-
го рода нелепые и гибельные игры им даже неведомы; впрочем, у них
в употреблении есть две игры, не отличающиеся от игры в шахматы»*
[Мор 1978, с. 185].

В СССР политика и утопия всегда шли рука об руку. Пикантный
синтез трех составляющих – шахмат, политики и утопии – появляется
на страницах романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928).
Тридцать четвертая глава романа – «Межпланетный шахматный кон-
гресс» – еще один отклик на Московский турнир 1925 года. Фантастиче-
ский план: путем организации международного турнира превратить захо-
лустные Васюки в столицу, последующий переворот за счет шахматной
мысли всего мироустройства – гротескно-гиперболическое отражение
некоторых проектов 1920-х гг. Ю.К. Щеглов обнаружил в тексте васю-
кинской главы цитаты и реминисценции из произведений Ленина, Троц-
кого, Маяковского, Гастева. Большая часть революционно-утопических
штампов всплывает в пламенной импровизации Остапа Бендера перед
членами шахсекции. Соавторы высмеивают, с одной стороны, бесплод-
ное политическое прожектёрство, далекое от реальности, с другой – сле-
пую веру масс в осуществимость чуда.

Свою преобразовательскую деятельность в Васюках Бендер, как и
положено русскому реформатору, начинает с акта переименования. При-
чем предлагаемые «гроссмейстером» названия имеют скрыто антисовет-
ский оттенок. Бендеровская формула «потеря качества при выигрыше
темпа» не только отсылает к стандартной шахматной комбинации, но и
неплохо характеризует экономическую политику большевиков. Двусмыс-
ленное словосочетание «Красный эндшпиль» в первую очередь, конечно,
пародирует безудержное стремление добавлять определение «красный»
абсолютно ко всему, но воспринимается еще и как предсказание конца
«красной» игры.

Лекция, которую «великий комбинатор» читает васюкинцам, пос-
вящена уже не конечной, а начальной стадии игры: «Плодотворная де-
бютная идея». Политико-сатирический подтекст ощутим и в этом вы-

ступлении великого комбинатора. «Дебют, товарищи, – это “*Quasi una fantasia*”», – утверждает Бендер в начале своей речи [Ильф и Петров 1961, т. 1, с. 321]. Определение, бессмысленное с точки зрения шахматиста, обретает смысл в ином контексте. Не только шахматный мир, но и вся советская жизнь представляет собой «нечто вроде фантазии», и каждый новый успех страны социализма становится еще одним шагом в движении прочь от реальности.

Для писателей, конфликтующих с действительностью, шахматы – это целый космос, альтернативный настоящему. Подобное осмысление игры уходит корнями в историю. Устойчивым является соединение шахматного сюжета с больничной или тюремной топикой: изолированный от реальности человек обретает новую жизнь в виртуальном мире. Среди наиболее известных авторов, разрабатывавших тему «тюремных шахмат», можно назвать, например, Д. Лондона и С. Цвейга. Постреволюционная культура привносит в классическую фабулу новый элемент – в черно-белой вселенной спасаются от политики.

Перед героем новеллы С. Кржижановского «Проигранный игрок» (1921) *«развернулась было многообещающая политическая карьера»* [Кржижановский 1991, с. 161], но он оставляет ее ради шахмат. В некрологе мистера Пемброка сказано, что он *«проявлял широкую арену политической борьбы на квадрат шахматной доски – ушел от поступков к ходам»* [Кржижановский 1991, с. 161. – Выделено автором – А.К.]. Общая стратегия жизнестроительства предопределила последний ход в карьере знаменитого шахматиста: *«мистер Пемброк предвидел все возможные варианты в дальнейшем развитии партии, кроме одного, казалось бы, совершенно невероятного. Мистер Пемброк не предусмотрел, что в ту самую долю секунды, как рука его, ставя пешку под удар, будет отдергиваться от деревяшки, душа его, душа мистера Пемброка, оброненная мозгом, неслышно скользнет вниз по переставляющей деревяшку руке: из мозга в кисть руки; из кисти к концам пальцев; из разжимающихся пальцевых фаланг в крохотную, поблескивающую мутным черным лаком, голловку пешки»* [Кржижановский 1991, с. 164. – Выделено автором – А.К.].

Вряд ли правильным будет предположение, что в поэме «Владимир Ильич Ленин» (1925) В. Маяковский полемизирует с рассказом С. Кржижановского. Но тексты писателей, вне зависимости от авторской воли, в диалог, безусловно, вступают. У Кржижановского герой «уходит от поступков к ходам», у Маяковского – «от ходов к поступкам».

*И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,*

*в люди
выведа
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей – человеческой диктатурой
над тюремной
капиталовой турой*

[Маяковский 1978, т. 3, с. 261–262].

Крижановский прогнозирует неизбежность низведения человека до пешки, Маяковский воспекает превращение пешек в людей. Хотя правила шахмат после октября 1917 года изменений не претерпели и сохранилась прежняя ценностная шкала фигур, пешка стала в некотором смысле главным действующим лицом шахматной драмы. Героем послереволюционной эпохи пешку сделала ее способность при известных условиях превращаться в любую фигуру (как правило, в самую сильную – ферзя).

Агитационный фарфор двадцатых годов дал форму многим идеям времени. Обратившись к шахматной теме, Н. Данько создала в 1922 году комплект «Красные и белые». Художница явно выполняла социальный заказ и была поэтому несвободна в выборе образных решений. Именно идеологическая составляющая диктует неклассическую окраску фарфоровых армий. Королем красных, естественно, становится пролетарий с молотом, красной королевой (ферзем) – крестьянка со снопом и, конечно, неизбежным серпом. Пешки изображены в виде крестьян и тоже со снопом в правой руке и серпом – в левой. Бросающееся в глаза сходство пешки и ферзя выглядит указанием на потенциальную возможность превращения первой во второго, однако гендерная несовместимость фигур отрицает наличие такой перспективы коренным образом.

Символизм пешки в культуре 1920–40-х годов общепонятен: пешка – это человек массы. С. Кржижановский в статье «Драматургия шахматной доски» (1946) подробно объясняет почему: «Отец шахматной теории Филидор, как и мы сейчас с вами, остановил свое внимание на пешке. Он даже сказал: в пешках душа партии. <...> Филидор не мыслит пешку изолированно. Нет – всегда в пешечной цепи. “Бауэры”, идущие с каждым ходом только на шаг – клетку, только вперед (в отличие от знати) и бьющие только наотмашь, сильны не столько силой, сколько единением. Они делают свое дело, как бы взявшись за руки. Победа одной из них – результат общих усилий звена. Да, пешка не рождается ферзем, но ее производят в высший ранг за заслуги на квадратном боевом поле. Она не чванна <...> а, скорее, скромна. И уж во всяком случае – упорна.

Взять ли роль пешек в партиях французского мастера XVIII века или роли так называемых рядовых героев в пьесах советских драматургов последнего десятилетия (особенно – пятилетия), невольно улавливаешь общие черты: прямая линия, взаимосвязь и вычеркнутые из словаря “назад”. Впрочем, незачем за аналогиями в XVIII век, когда ряд партий молодого Смыслова...» [Кржижановский 1990, с. 26].

Оценки могут радикально меняться, но пешка в любом случае будет ассоциироваться с человеком толпы. Федор Годунов-Чердынцев из набоковского «Дара» (1930), разбирая задачи советских шахматных композиторов, фокусирует внимание на пешках: «это были шахматные лубки, не более, и подталкивающие друг друга фигуры делали свое неуклюжее дело с пролетарской серьезностью, мирясь с побочным решениями в вялых вариантах и нагромождением милицейских пешек» [Набоков 1990, с. 156].

Анализируя «безудержный протеизм» Маяковского, амбивалентность его воззрений, М. Вайскопф отмечает характерное для поэта «непринужденное скольжение по контрастным оценкам единого мотива» [Вайскопф 2003, с. 416]. Это положение распространяется и на шахматные мотивы. Патетическая политизация игры в поэме «Владимир Ильич Ленин» сменяется сатирическим развенчанием подобной политизации в стихотворении «Нагрузка по макушку» (1928):

*Играть с Кукушкиным –
нельзя:
он
путал
 пешку и ферзя. –
(Малюсенький затор!)
Но... Петя
 знал,
 врагов разя,
теорию зато.
Этот Петя
 может вскачь
критикнуть
 всемирный матч.
– «Я считаю:
 оба плохи –
Капабланка и Алехин,
оба–два,
 в игре юля,
охраняли короля.
Виден*

в ходе
 в этом вот
 немарксистский подход.
 Я
 и часа не помешаю –
 монархизмы
 ешьте пешкою!»

[Маяковский 1978, т. 5, с. 63–64].

Марксистский подход Кукушкина виден не только в призыве «монархизмы ешьте пешкою!», но и в принципиальном неразличении пешки и ферзя. Путаница такого рода запрограммирована революционной идеологией двадцатых годов, хотя в целом культура первого послеоктябрьского десятилетия стремится к семиотизации особенностей каждой отдельной фигуры. Однозначно негативный ореол значений формируется вокруг прямолинейной лады–туры. Замысловатая траектория движения коня порождает столь же замысловатую символику. У В. Шкловского извилистый путь коня ассоциируется одновременно и с несвободой («конь не свободен, – он ходит вбок, потому что прямая дорога ему запрещена»), и смелостью: «<...> не думайте, что ход коня – ход труса. Я не трус. Наша изломанная дорога – дорога смелых <...>» [Шкловский 1990, с. 74, 75].

Книга «Ход коня», цитаты из которой приведены выше, появилась в трудный для ее автора период: в марте 1922 года Шкловский был вынужден эмигрировать из России. Отождествление себя с самой необычной шахматной фигурой – конем – находится в прямом соответствии с мироощущением изгоя, маргинала, непонятого одиночки. В. Набоков развернул метафору Шкловского в законченный сюжет. Старый маэстро – персонаж стихотворения «Шахматный конь» – выпадает из игры большого мира, вообразив себя белым конем:

И потом, в молчании чистой палаты,
 куда черный король его увел,
 на шестьдесят четыре квадрата
 необъяснимо делился пол.
 И эдак, и так – до последнего часа –
 в бредовых комбинациях, ночью и днем,
 прыгал маэстро, старик седовласый,
 белым конем

[Набоков 1991, с. 395].

Шахматный сон заглавного героя повести С. Кржижановского «Возвращение Мюнхгаузена» (1927–28), подробно описанный во второй главе, выступает в качестве текста в тексте, поскольку в нем инос-

казательно предваряется дальнейший ход событий. Барону Мюнхгаузену снится, что он путешествует верхом на черном коне: *«мелькают – сначала площади, потом квадраты полей и клетки городов – еще и еще – вперед, вперед, вбок и вперед»* [Кржижановский 1991, с. 597]. «Бешеная скачка» «шахматной одноножки» оканчивается у пограничного столба с надписью «СССР»: *«Затем ветер, свистящий в ушах, затихает, прыжки коня короче и медленнее – под ними снежное поле; от его сугробов веет холодом; конь, оскалив черную пасть, делает еще прыжок и прыжок и останавливается среди ледящей равнины – подклеенная сукном нога примерзла к снегу. Как быть? Мюнхгаузен пробует понукать: “Kg8–f6; f6–d5, черт, d5–b6”, – кричит он, припоминая зигзаг “защиты Алехина”. Тицетно! Конь отходил свое: деревянная кляча отходит»* [Кржижановский 1991, с. 598].

Подобно эмигрантам Шкловскому и Набокову, внутренний эмигрант Кржижановский выразил свой и своего героя порыв «за пределы существующего», в «безграничное царство фантазии» [Кржижановский 1991, с. 676] при помощи шахматной метафоры–метаморфозы. Логично появление в тексте повести имени еще одного знаменитого эмигранта – А. Алехина.

Русский гроссмейстер, разгромив в матче Капабланку, осенью 1927 года завоевал титул чемпиона мира. Победа Алехина – это успех одиночки, королем шахматной державы стал гражданин несуществующей страны. В дни десятилетия Октябрьской революции старая Россия взяла символический реванш за поражение 1917 года. Так уж повелось, что борьба за звание сильнейшего шахматиста планеты всегда обрывает массу домыслов и, как правило, воспринимается сквозь призму политических стереотипов. В прессе – советской и эмигрантской – внимание привлекла не столько спортивная или творческая составляющая достижения Алехина, сколько его речь на банкете Русского клуба в Париже. Советский биограф Алехина А.А. Котов передает смысл этого выступления так: «<...> чемпион счастлив, что сумел развеять миф о непобедимости Капабланки. Тут же некоторые газеты добавляли, будто Алехин сказал: “...пусть же исчезнет фантазмагория, царящая на нашей родине”» [Котов 1982, с. 30]. Реакция Москвы была достаточно жесткая. Н.В. Крыленко, возглавлявший советскую прокуратуру и по совместительству советские шахматы, не очень изящно, но очень определенно сформулировал официальную позицию: «После речи Алехина в Русском клубе с гражданином Алехиным у нас все покончено – он наш враг, и только как врага мы отныне можем его трактовать» [Котов 1982, с. 30].

Поединок Капабланки и Алехина вызвал поистине широчайший резонанс. Прямое упоминание о противостоянии русского и кубинского гроссмейстеров есть в стихотворении Маяковского «Нагрузка по макушку». Набоков хотя и не упоминает о нем, но явно подразумевает: стихотворение «Шахматный конь» было опубликовано 23 октября 1927 года, когда матч Капабланка – Алехин еще продолжался.

У Кржижановского новый чемпион мира представлен как автор шахматного дебюта – «защиты Алехина». Впервые ход 1... Kg8–f6 русский гроссмейстер применил в партии с А. Штейнером (Будапешт, 1921). Алехин навсегда покинул Россию как раз в 1921 году. Трудно утверждать, что именно опыт советской жизни подтолкнул будущего чемпиона к изобретению новой системы защиты, но хронологическое совпадение, безусловно, знаменательно. «Защита Алехина» – один из самых парадоксальных дебютов. Если бы его первооткрывателем был не претендент на корону, а кто-то другой, вполне могло возникнуть впечатление, что этот игрок просто не усвоил азы шахмат. Метания черного королевского коня Kg8–f6–d5–b6 выглядят абсолютно бессмысленной потерей времени. Более того, конь, подставляясь под удары белых пешек, провоцирует их на продвижение вперед. Белые без всякого сопротивления черных вторгаются на их половину доски и создают мощнейший пешечный центр: c4–d4–e5. Три пешки сильны тем самым единением, о котором писал в статье «Драматургия шахматной доски» Кржижановский: они наступают, «как бы взявшись за руки». А шахматная «знать» – королевский конь g8 – бросает вызов «бауэрам», ставит под сомнение прочность их территориальных завоеваний. И в конце концов черные ценой добровольно-принудительного бегства коня с одного фланга на другой обычно получают в «защите Алехина» достаточную контригру.

Можно не сомневаться, что автор дебюта при его разработке руководствовался прежде всего стратегической и тактической целесообразностью того или иного хода, вовсе не собираясь при помощи шахматной палитры воссоздавать панораму эпохи. Но рассуждения Кржижановского в статье, написанной в 1946 году (заметим, кстати, что 25 марта этого года умер, так и не побежденный, Алехин), дают основание для аллегорической интерпретации маневров черных и белых фигур.

Как ни странно, шахматы зависят от духа времени ничуть не меньше, чем литература, живопись или театр. Накануне исторического периода войн и революций разразилась революция шахматная. Главный теоретик гипермодернистского переворота – гроссмейстер А. Нимцо-

вич – подробно описал его в статье «К истории шахматной революции 1911–1914 годов». В разделе пятом – «Развитие новых шахматных идей в 1914–1926 годах» – Нимцович наряду с другими знаковыми событиями упомянул появление «защиты Алехина», назвав ее «самым блестящим “послереволюционным” деянием» [Нимцович 1984, с. 540].

Наступление эры тоталитарных режимов по-своему коснулось и шахматного мира. 1930–1940-е годы прошли под знаком стремительного развития советской шахматной школы. Шахматы обретают в СССР статус спорта № 1. В 1937 году газета «Комсомольская правда» провела опрос о любимых героях советской молодежи. «Среди конкретных имен <...> были имена партийных и военных лидеров (Сталин, Ворошилов, Буденный), героев гражданской войны (Чапаев и Щорс – герои популярных фильмов того периода), летчиков (Чкалов), полярников (норвежский исследователь Севера Фритьоф Нансен), ученых (Константин Циолковский, пионер ракетостроения, выдвинувший идею полетов в космос), стахановцев, шахматистов и футболистов клуба “Динамо”» [Фицпатрик 2001, с. 91]. Начальник погранзаставы капитан Дубах из повести С. Диковского «Патриоты» (1937) ведет «подробную летопись подвигов, совершенных советскими патриотами» – «Книгу героев»: «День за днем книга рассказывала бойцам, кто такие Коккинаки, Демченко, Бабочкин, Лысенко, Ботвинник... Ее цитировали на политзанятиях, читали вслух каждый вечер» [Диковский 1984, с. 171]. Упоминание шахматистов в одном ряду с кумирами миллионов отражает их высочайшее положение в советской иерархии. Одна из героинь романа А. Фадеева «Молодая гвардия» (1945–51) утверждает: «<...> в спортивном мире на высшей ступени лестницы стоят шахматисты, а гиревики на самой низшей – ниже гиревиков идут уже просто амебы» [Фадеев 1982, с. 326].

Не удивительно, что довольно быстро в СССР появляется мастер, способный бороться за титул сильнейшего шахматиста планеты, – М. Ботвинник. В 1948 году он выиграл матч-турнир за звание чемпиона мира, и с тех пор шахматная корона на многие десятилетия обрела советскую прописку. Среди основных причин побед гроссмейстера А. Котов выделил и такую: «На протяжении многих лет Ботвинник старался добиться того, чтобы его мозг работал с точностью машины» [Котов 1969, с. 104]. В шахматной сфере тоталитарный миф о человеке-машине воплотился на все сто процентов. Интересно, что в шестидесятые годы, на заре постмодерна, Ботвинник окажется среди пионеров отечественной кибернетики. Экс-чемпион разрабатывает оригинальную версию

шахматной программы для компьютера. Его цель: «... пусть машина сумеет работать так, как работает много лет его собственный мозг» [Котов 1969, с. 104].

Причины расцвета советских шахмат очевидны: «верхи» видят в них прекрасное средство воспитания масс, «низы» – способ бегства от кошмара повседневности. В литературе по понятным причинам доминирует точка зрения первых. Правда, даже при самом официозном освещении темы шахмат писатели вольно или невольно привносят в текст элемент неоднозначности: сопротивление материала слишком велико.

Казалось бы, в бурной жизни Павки Корчагина («Как закалялась сталь», 1932–34) нет места для таких несерьезных занятий, как спорт. И все же его судьбу обрамляет увлечение двумя видами спорта: боксом (в начале жизни) и шахматами (в конце). Н. Островский настойчиво сопрягает соответствующие эпизоды романа. Уроки английского бокса Корчагин получает от своего главного наставника – большевика Жухрая: *«Не легко досталась Павке эта наука, но усвоил он ее прекрасно. Не раз летел он кубарем, сбитый с ног ударом кулака Жухрая, но учеником оказался прилежным и терпеливым»* [Островский 1955–1956, т. 1, с. 48]. Бойцовские навыки герой будет применять очень широко. Вся его жизнь моделируется по образцу боксерского поединка: *«Павел принял этот первый удар, как когда-то принимал удары Жухрая, учившего его боксу: тогда тоже падал, но сейчас же подымался»* [Островский 1955–1956, т. 1, с. 373]. В «Замечаниях о пьесе по роману “Как закалялась сталь”» (1936) Островский советовал авторам спектакля: «Показать на игре в шахматы, как Павел воспринимает удары жизни. Это ожесточенное мужество. Это как в боксе – он падает, но моментально поднимается и бросается на противника снова и снова» [Островский 1955–1956, т. 2, с. 293]. Параллель между ситуациями на ринге и на шахматной доске проведена и в романе. Корчагин попадает в безнадежное положение в партии за звание чемпиона санатория «Майнак» и все же не сдается: *«– Я всегда держусь до последней пешки, – сказал Павел, и Леденев одобрительно кивнул головой»* [Островский 1955–1956, т. 1, с. 370].

За переходом от бокса к шахматам – целый этап в жизни Корчагина, да, пожалуй, и всей страны. Кулачный бой адекватно передает деструктивно-хаотическую составляющую эпохи революции и гражданской войны. Планово-созидательному периоду истории соответствует игра, требующая усилий интеллекта. Главный герой романа И. Эренбурга

«Рвач» (1925) великолепно приспособился к «артиллерийско-пайковой атмосфере военного коммунизма», к мирной жизни он приспособиться не может: «Новое прежде всего было непонятным. Наш герой растерян-но оглядывался где-нибудь на Петровке, – ему казалось, что он обойден с тыла коварным противником. Боксера усадили за шахматную доску, предложив ему сложный гамбит с отдачей ферзя, ради выигрыша в положении, и боксер готов был заплакать» [Эренбург 1964, с. 157]. Спустя десять лет к тропу, тождественному с эренбурговским, обращается Островский, только его боксер чувствует себя за шахматной доской гораздо увереннее. Павка практически преодолел свои стихийно-анархистские наклонности, а значит, готов к игре, основанной на стратегической дальновидности и точнейшем тактическом расчете. Впрочем, приобщение к шахматам знаменует не только это. Тяжелейшие недуги Корчагина все активнее препятствуют его контактам с окружающими, и погружение в шахматный мир – одна из ступеней лестницы, уводящей героя из реальности.

Уровень идеологизации и политизации шахмат достигает в тридцатые годы крайних пределов. Так, журнал «Шахматы в СССР» ведет кампанию против узкой «спецовщины» в игре. «Нужно прямо сказать, что в области политического воспитания дело в наших шахматно-шашечных организациях обстояло из рук вон плохо. Руководящие организации, как центральная, так и областные, не уделяли этому вопросу достаточно внимания. В низовые кружки зачастую направлялись инструктора политически малограмотные, которые хорошо, может быть, могли объяснить ходы отдельных фигур, но которые ничего толкового не могли сказать по вопросу, напр., об общественной роли шахмат у нас и в капиталистических странах. Получалась вреднейшая “спецовщина”, отрыв шахматно-шашечной учебы от живой советской жизни» [Поднять политико-воспитательную работу ш/ш организаций 1937, с. 225].

О шахматах обычно вспоминают тогда, когда надо продемонстрировать превосходство советского человека над западным. С помощью шахмат – своеобразной лакмусовой бумажки – И. Ильф и Е. Петров опознают в «Одноэтажной Америке» (1936) представителей двух разных человеческих пород: *«В полукруглом курительном зале три знаменитых борца с расплюснутыми ушами, сняв пиджаки, играли в карты. Из-под жилеток торчали рубахи. Борцы мучительно думали. Из их ртов свисали большие сигары. За другим столиком два человека играли в шахматы, поминутно поправляя съезжающие с доски*

фигуры. Еще двое, упершись ладонями в подбородки, следили за игрой. Ну кто еще, кроме советских людей, станет в штормовую погоду разыгрывать отказанный ферзевый гамбит! Так оно и было. Симпатичные Ботвинники оказались советскими инженерами» [Ильф и Петров 1961, т. 4, с. 10].

Усилиями Маяковского (поэма «Владимир Ильич Ленин») и Горького (очерк «В.И. Ленин») шахматные мотивы вошли в канон ленинианы. Сталин, в отличие от Ленина, шахматами не увлекался, но, унаследовав всю вождистскую мифологию предшественника, тоже стал именоваться шахматистом. Ю. Боров приводит в «Сталиниаде» характерное высказывание Твардовского: «Сталин был гроссмейстер политической игры» [Боров 1991, с. 24].

Дисциплинированные советские писатели поставили производство образов вождей-шахматистов на поток. Н. Островский сводит за шахматной доской Корчагина и представителя «старой гвардии большевиков» Леденева. Исход поединка предreshен:

«Корчагин, не подозревая об опасности, спокойно начал ферзевый гамбит, на который Леднев ответил дебютом центральных пешек. <...> Уже с девятого хода Корчагин увидел, как его сдавливают мерно наступающие пешки Леденева. <...> После трехчасового сражения, несмотря на все усилия, на все напряжение, Павел принужден был сдаться. <...>

Поражение Корчагина на шахматном поле было не случайное. Он уловил лишь поверхностную стратегию шахматной игры, шахматист проиграл мастеру, знающему все тайны игры» [Островский 1955–1956, т. 1, с. 370].

Злобный лейтенант Кукушкин из «Повести о настоящем человеке» (1946) Б. Полевого побежден-покорен идеально положительным, всевидящим и всезнающим Комиссаром: *«Кукушкин же сразу сменил гнев на милость, когда Комиссар предложил ему сыграть партию в шахматы. Доска стояла у Кукушкина на койке, а Комиссар играл “вслепую”, лежа с закрытыми глазами. Он в пух и прах разбил сварливого лейтенанта и этим окончательно примирил его с собой»* [Полевой 1949, с. 106].

Шахматные фигурки, которыми играл булгаковский Воланд, были живыми. Для вождя любого ранга самая важная стадия игры начинается в момент перехода от шахмат «к врагу натурой». Поэтому каждый вождь играет в живые шахматы. Меняется только масштаб поля битвы: от планетарного до локального.

Шахматной доской представляется герою пьесы Н. Погодина «Мой друг» (1932) вверенный ему завод, люди – деревянными фигурками.

Г а й. <...> А пока я Ладыгина решил снять с поста главного инженера.

М а к с и м. Правильно. Ватная фигура.

Г а й. А потом Софью переставить с механического в иное место.

М а к с и м. Софью Андреевну? Ты уже заблудился.

Г а й. А инженера Монаенкова назначу главным инженером.

М а к с и м. С ума сошел! <...>

Г а й. Ты плохо играешь в шахматы. Для нас это необходимый спорт. Я меняю фигуры» [Погодин 1972, с. 216].

Пешки, выведенные революцией в люди, вернулись в исходное состояние.

В дни шахматной лихорадки 1925 года Ю. Олеша выдвинул почти безумный проект модернизации игры, почему-то запомнившийся нескольким собеседникам писателя. Подробнее других предложенную реформу шахмат описывает В. Катаев:

«<...> Ключик сказал мне:

– Я думаю, что шахматы игра несовершенная. В ней не хватает еще одной фигуры.

– Какой?

– Дракона.

– Где же он должен стоять? На какой клетке?

*– Он должен находиться **вне** шахматной доски. Понимаешь: вне!*

– И как же он должен ходить?

– Он должен ходить без правил. Он может съесть любую фигуру.

Игрок в любой момент может ввести его в дело и сразу же закончить партию матом.

– Позволь... – пролепетал я.

– Ты хочешь сказать, что это чушь. Согласен. Чушь. Но чушь гениальная. Кто успеет первый ввести в бой дракона и съесть короля противника, тот и выиграл. И не надо тратить столько времени и энергии на утомительную партию. Дракон – это революция в шахматах!

– Бред!

– Как угодно. Мое дело предложить.

В этом был весь ключик» [Катаев 1983–1986, т. 7, с. 194–195. – Выделено автором – А.К.].

Гениальность Олеши – в его способности заглянуть в будущее. То, что в двадцатых годах выглядело бредом, в тридцатых станет явью.

Литература

- Борев Ю. Сталиниада. – Рига, 1991.
- Борхес Х.Л. Гуаякиль // Борхес Х.Л. Сочинения: В 3-х т. – Рига, 1994. – Т. 2.
- Вайскопф М. Птица-тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. – М., 2003.
- Диковский С. Патриоты // Козачинский А. Зеленый фургон; Рассказы. Диковский С. Патриоты; Рассказы. – М., 1984.
- Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5-ти т. – М., 1961.
- Катаев В.П. Собрание сочинений: В 10-ти т. – М., 1983–1986.
- Котов А.А. Трудный путь // Юдович М.М., Котов А.А., Абрамов Л.Я. Труд, талант, победа. – М., 1969.
- Котов А.А. Шахматное наследие Алехина: В 2-х т. – М., 1982. – Т. 1.
- Кржижановский С. Драматургия шахматной доски // 64. Шахматное обозрение. – 1990. – № 3.
- Кржижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов. Повести, рассказы. – М., 1991.
- Леонов Л.М. Деревянная королева // Леонов Л.М. Собрание сочинений: В 10-ти т. – М., 1969. – Т. 1.
- Маяковский В.В. Собрание сочинений: В 12-ти т. – М., 1978.
- Мор Т. Утопия. – М., 1978.
- Набоков В.В. Дар // Набоков В.В. Собрание сочинений: В 4-х т. – М., 1990. – Т. 3.
- Набоков В.В. Стихотворения и поэмы. – М., 1991.
- Нимцович А.И. Моя система. – М., 1984.
- Островский Н. Собрание сочинений: В 3-х т. – М., 1955–1956.
- Погодин Н.Ф. Мой друг // Погодин Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х т. – М., 1972. – Т. 1.
- Поднять политико-воспитательную работу ш/ш организаций // Шахматы в СССР. – 1937. – № 8. Август.
- Полевой Б. Повесть о настоящем человеке. – М., 1949.
- Фадеев А.А. Молодая гвардия // Фадеев А.А. Сочинения: В 3-х т. – М., 1982. – Т. 3.
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М., 2001.
- Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). – М., 1990.
- Эренбург И.Г. Рвач // Эренбург И.Г. Собрание сочинений: В 9-ти т. – М., 1964. – Т. 2.